Возлюбленная мной, — в момент полураспада,
Жизнь не растормошив признаньем роковым,
К безрадостной судьбе крамольного комбата
Примериваюсь, в грудь впуская терпкий дым.
Раздробленной судьбой — зачитываюсь. Скоро,
Потертость вздорных плеч запрятав в соболя,
Ты под бравурный марш срамного приговора,
Жизнь выскоблив, сбежишь, как крыса с корабля.

В окрестностях Джакарты,
Взбодрив судьбу штыком,
За жизнь сражался в карты
Тэрэлли с Левшуком.
Во вторник труп Тэрэлли
Швырнули в яму... Штук
Сто двадцать пять дуэлей
Смог выиграть Левшук.

Снабдил Господь талантом:
Шестерка, туз, валет...
Левшук крапленым картам
Сказать не сможет: «Нет!»
В палаццо иль в бедламе
Жизнь выдохнется... Где?!
В Джакарте, в Амстердаме,
В Твери, в Караганде!

Другим не понять — как восторженно, смело
Ты, перемахнув через чувственность дня,
В спонтанных предательствах не преуспела
Низвергнуть незыблемость слова «родня».
В срамных казематах подследственной боли,
Расщедрившись мудростью, — слышный едва —
Прорвется сквозь варварский слой канифоли
Скандальный вердикт твоего естества.

Раздышавшись, филигранно
Сдвинув чувства набекрень,
В сентябре скандально, рано
С темнотой сроднился день.
Втиснув душу в черный китель,
Мгла неистовствует; в нем
Твой подследственный сожитель
Жизнь подкармливал враньем.
Тридцать лет о нем — не слышно.
Но, как встарь, в надсадный вой
Впившись, льнет — скоропостижно —
Жизнь — к веревке бельевой.

Раздробленностью чувств не дорожа,
Обручена с болезненностью редкой,
Ты, как вакханка, кормишься с ножа;
Покуда Время (зверской табуреткой
Вооружившись) ждет — не прекословь —
В надломленную искренность не веря,
Команды — чтоб крамольную любовь
Сроднить с землей, как сдохнувшего зверя.

Сентябрь — строптив и своеволен —
Водой сбив с древних колоколен
Пернатых хищников, — как спички
Швыряет листья в электрички.
Он кверцитроном вздорным метит
Вагоны: в них — люд праздный едет:
Кто — разрыхлять, мотыжить грядки;
Кто — к падшей, взбалмошной солдатке;

Кто — расчехлив с судьбой-кидалой
Контракт, — вдоль жизни захудалой
Стремглав бежит из Аустерлица
В Кузьминки — скурвиться и спиться.

Жизнь как бы невзначай
Заглядывает в стекла.
И вздорная печаль
Берет тебя за горло.
Ты — в ужасе. Душа,
Предвидя час разлуки,
Над бездной чуть дыша,
Стихами греет руки...
Растоптан, позабыт,
В предчувствии подвоха
Ты вновь почти навзрыд
О смерти просишь Бога.

Татьяне Костандогло

Среди прочих напыщенных львиц ты, бесспорно,
Выделяешься запахом кожи. Звук горна
Твоего — как набат, предвещающий: вскоре
Эту землю волной смоет в Черное море.

Я — которого страх грозным скрежетом стали
В предстоящем бою обезглавит едва ли;
Я, который познал вкус борьбы, запах крови,
Трепещу, когда ты сводишь тонкие брови.

Обескровлен, сражен, припечатан к веригам
Тихим голосом, взглядом пронзительным, криком:
Из тибетских пещер повылазив, Атланты
Твоим недругам рвут причиндалы и гланды.

Нервотрепкой день разбит,
Стерт. Без инструктажа
Саван для взрывных обид
Сшит из камуфляжа.

В разродившийся костер
Дров подбросив, «Браво!» —
Вскрикнет банда медсестер,
Проходимцев... Ржаво
Дрязг постыдных круговерть
Вздрогнет... И — Зазноба —
Будет гнать шальная Смерть
Жизнь под крышку гроба.

Между борьбой и миром
Не выровняв балласт,
Он вздорным конвоирам
Полцарства не отдаст.
Жесток, немногословен,
Бесстрашен, как бандит,
Нуждой взращенный воин
Весь мир поработит.
Вгрызаясь дерзко, слепо
В кремлевский перепляс —
Громил врагов в Алеппо,
С землей сровнял Кавказ.
Он врос в легенды. Даже
Был свят, как божество...
И жизнь — без камуфляжа —
Промчалась сквозь него.

Молчаньем твоим обесточен —
Скорблю в новогоднюю ночь.
И сумрак московских обочин
Ничем мне не сможет помочь.
Не Дракула я, не Отелло,
Не мной обездвижен Эльбрус...
А впрочем, какое Вам дело —
Что любит Вас злой белорус?!

Передернув затвор беспросветной печали,
К ремеслу пристегнув взвод соломенных вдов,
Как младенца, шесть дней в колыбели качали
Расторопные улицы злых городов.

Неустроенный быт, заскорузлость... Саратов,
Красноярск, присмирив кверху поднятый кнут,
В обездоленность лиц, в заторможенность взглядов
Даже видимость жизни уже не вдохнут.

Сто тридцать восемь дней душа
Хандрит, безмолвствует. Не резкий,
Квартирный взмах карандаша
Раздвинет в полночь занавески.
Сроднившийся с корчмой невроз,
Рассеяв мрак прослойкой света,
На вновь поставленный вопрос
Не даст правдивого ответа.
Сквозь ржавый скрежет пустоты
Роскошным, мощным апперкотом,
Как лермонтовский Демон, ты
Судьбу поздравишь с Новым годом.